

А. Н. Моревский
А
181
— 5706

О

КЛАССИЦИЗМЪ , ЕВРОПЕИЗМЪ

И

НАРОДНОСТИ.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

исправляющаго должность

АДЪЮНКТА ЛЕОНТЬЕВА П. М.

*Мѣтровъ ѳрибтовъ, мѣтра лучше всего.
Изреченіе мудреца Клеовула.*

Мм. Гг.

Я приступаю къ преподаванію вмѣстѣ съ чувствомъ радости и съ чувствомъ печали: съ чувствомъ радости, потому что достигаю великой чести быть преподавателемъ въ старшемъ Университетѣ Россіи и притомъ въ Университетѣ, которому я обязанъ началомъ моего образованія и обильными средствами къ дальнѣйшему его усовершенію; съ чувствомъ печали, потому что не нахожу болѣе на этой кафедрѣ того незабвеннаго профессора, кото-

рый еще недавно съ такимъ успѣхомъ и въ столь изящныхъ формахъ преподавалъ здѣсь тѣ же самые предметы, которыми теперь я, его ученикъ, буду занимать моихъ гг. слушателей. Память Димитрія Львовича Крюкова еще свѣжа въ Университетѣ; факультетъ еще живо ощущаетъ его отсутствіе. Его товарищи и ученики еще хорошо помнятъ его серьезность въ отношеніи къ наукѣ вообще и дѣятельный интересъ, который онъ принималъ въ студентахъ, — эти двѣ самыя общія добродѣтели ученаго и профессора; они помнятъ еще кромѣ-того его обширную образованность и остроту его смѣлыхъ изысканій, его экзегезу, неоставляющую ничего болѣе желать, изящность его словесныхъ переводовъ, его щеголеватую Латинскую рѣчь, его блистательное и притомъ чистое отъ фразёрства изложеніе на Русскомъ языкѣ, достойный и строгій характеръ его чтеній, его гуманное, но искусно импонировавшее обращеніе съ студентами, наконецъ его рѣдкія способности преподавать и именно его умѣнье открывать предметъ не съ всѣхъ сторонъ съ перваго раза и тѣмъ, такъ сказать, мистифицируя слушателя, въ немъ возбуждать интересъ и самодѣятельность. Мм. Гг., я не могу дѣлать здѣсь подробнаго описанія всѣхъ этихъ его качествъ, безъ сомнѣнія рѣдко встрѣчающихся въ такой совокупности. Но желая въ эту минуту почтить Маны покойнаго хотя немногими словами и съ моей стороны, я останавлиюсь на томъ его достоинствѣ, которое мнѣ кажется главнымъ и котораго упоминаніе можетъ служить за *вопит отен* и моему собственному преподаванію. Это достоинство заключается въ томъ, что Димитрій Львовичъ желалъ, и что ему удалось имѣть не только многихъ слушателей, но и многихъ учениковъ, — учениковъ, которые обязаны его

признать главнымъ своимъ учителемъ. При только-что десятилѣтней дѣятельности, ожидать образованія школы съ ея внутреннимъ взаимодѣйствіемъ можно тѣмъ менѣе, что приходившіе въ тогдашнія времена въ Университетъ, при ограниченныхъ познаніяхъ, бывали полны самыхъ противоположныхъ мнѣній о цѣли своего вступленія, и о томъ, чего они должны искать въ своихъ профессорахъ. При такихъ обстоятельствахъ было невозможно дѣйствовать съ пользою на всѣхъ студентовъ. Но то достовѣрно, что кто самъ тому не противился, тотъ получалъ отъ покойнаго профессора и совѣты и пользу. Равнымъ образомъ достовѣрно, что начатки, изъ которыхъ впослѣдствіи могла организоваться школа, уже были видимы, что теперешнее улучшеніе гимназій ведетъ свое начало отчасти и отъ дѣятельности Димитрія Львовича и что древняя филологія въ Московскомъ Университетѣ никогда такъ не процвѣтала, какъ во время его службы. Достигнуть этого было дѣло вовсе не легкое, потому что всѣмъ извѣстно, какъ трудно въ Россіи до сихъ поръ принималась филологія и сколько ей было нужно и еще предстоитъ бороться не только съ домашнимъ умничаньемъ людей, мало понимающихъ дѣло, но и съ исключительностью такихъ направленій, которыя сами по себѣ въ высшей степени разумны.

Эта исключительность есть великое зло, и потому, призванный содѣйствовать продолженію дѣла, начатаго профессоромъ Крюковымъ, я считаю приличнымъ открыть мое преподаваніе обозначеніемъ того отношенія, которое по моему мнѣнію должно существовать у насъ въ Россіи между направленіями уже обозначившимися въ образованіи общества, именно